

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ 3-ТОМ НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Скептицизм Монтезя. Декартово
сознание

В предыдущей лекции мы закончили первую часть третьего тома книги автора, где Энтони Кенни знакомил нас с отдельными философами эпохи Нового времени. А условно вторую часть он начинает с раздела «Философия познания».

В XVI веке несколько факторов способствовали тому, что скептицизм стал пользоваться новой популярностью.

Столкновение между различными христианскими сектами в Европе и обнаружение за океанами народов с различными культурами и религиями немедленно привело к всплеску прозелитизма и преследований. Но эти столкновения также заставили некоторых мыслителей-рефлексивистов поставить под сомнение утверждение любой человеческой системы убеждений о том, что они обладают уникальной истиной. Повторное открытие древних скептических работ, таких как Секста Эмпирика, обратило внимание учёных на ряд аргументов против надёжности когнитивных способностей человека. Наиболее красноречивое изложение нового скептицизма можно найти в работе Монтеня «Апология Раймона Себона».

Мишель Монтень, как и Секст, выступает с крайней формой скептицизма, называемого пирроническим скептицизмом в честь ее (полулегендарного) основателя Пиррона из Эллады, который во времена Александра Македонского учил, что ничего не может быть известно. Многие из примеров, которые Монтень использует, чтобы убедить в ошибочности чувств и интеллекта, взяты из работ Секста, но классические цитаты, которые он использует в ходе своих рассуждений, взяты не из Секста, а из Великой поэмы «О природе вещей» Лукреция, латинского последователя Эпикура, который сам являлся великим открытием Возрождения.

Двумя наиболее влиятельными философскими направлениями классического латинского периода были эпикурейцы и стоики. Эпикурейцы, говорит нам Монтень, утверждают, что если чувства ненадежны, то знания не существует. Стоики говорят нам, что если существует такая вещь, как знание, то оно не может происходить не из чувств, потому что они ненадежны. Монтень, как и Секст, использует стоические аргументы, чтобы показать ошибочность чувств, и эпикурейские аргументы, чтобы показать невозможность эмпирического знания. Используя негативные аргументы каждой секты, он выступает против них обеих, и пытается доказать, что нет такого понятия, как реальное знание.

«Чувства и разум до сих пор не сотрудничали для производства знания, каждый работает друг над другом, чтобы произвести ложь. Чувство испуга, когда мы смотрим вниз, мешает нам пересечь пропасть по узкой доске, хотя разум говорит нам, что доска достаточно широка для ходьбы. С другой стороны, страсти в нашей воле могут отражать то, что мы воспринимаем нашими чувствами: ярость и любовь могут заставить нас увидеть то, чего нет».

Монтень добавляет оригинальный материал в арсенал античного скептицизма. Возвращаясь к одной из своих любимых тем, он отмечает, что некоторые животные и птицы обладают более острыми чувствами, чем мы. Возможно, у них даже есть чувства, которых нам совершенно не хватает (такое чувство, которое говорит петуху, когда ему нужно кукарекать). Наши пять чувств – это, пожалуй, лишь небольшое количество тех, которые можно было бы иметь. Если это так, то наш взгляд на вселенную, по сравнению с истинным взглядом – взгляд человека, рождённого слепым, по сравнению со взглядом зрячего человека.

Что на это отвечает Декарт? Рене Декарт в своих «Размышлениях» ставил перед собой задачу освободить философию от угрозы скептицизма, которая возникла в предшествующем столетии. Чтобы сделать это, сначала он должен был продемонстрировать скептическую позицию, которую он хотел опровергнуть. В первом из «Размышлений» он следует по стопам Монтеня, но приводит аргументы в живой и изящной форме. Освобождение чувств сначала ставится под сомнение соображениями, сделанными из чувственного обмана, а затем аргументом из сновидений: «То, что я до сих пор считал истинным по преимуществу, я получил либо от чувств, либо с помощью чувств. Иногда я улавливаю, что чувства обманывают меня. А мудрый человек никогда полностью не доверяет тем, кто однажды обманул его».

Даже математика не застрахована от декартовых сомнений. Дело не только в том, что математики иногда допускают ошибки. Может быть, вся дисциплина сама по себе является заблуждением. Бог всемогущ, и во всем, что мы знаем, он может заставить нас ошибаться, когда мы добавляем два и три, или когда считаем стороны квадрата. Но, конечно, добрый Бог не сделал бы этого!

В этом случае: «Я не предполагаю, что есть в высшей степени добрый Бог, источник истины».

Но есть злой дух, который в высшей степени силен и умен. Он делает всё возможное, чтобы обмануть меня. Я предположу, что небо, воздух, земля, цвета, формы, звуки и все внешние объекты – всего лишь бредовые сны, с помощью которых он закладывает ловушки для моей доверчивости. Я буду считать, что у меня нет рук, нет глаз, нет плоти, нет крови, нет чувств, но просто есть ложная вера в то, что у меня есть все эти вещи».

Второе «Размышление» покончило с сомнениями, приведя Cogito ergo sum («Мыслю – следовательно, существую»), знаменитый аргумент, которым Декарт доказывает своё существование. Даже если злой гений может обмануть его, он не может обмануть его в мысли, что он существует, когда он на самом деле не существует: «Несомненно, я существую, даже если он обманывает меня. Пусть он обманывает меня столько, сколько может, он никогда не приведет меня к тому, что я ничто, пока я думаю, что я что-то. Мысль «я существую» не может не быть правдой, когда я думаю об этом. Но я не могу сомневаться в этом, не думая об этом. Следовательно, она не только истинна, но и неоспорима, потому что всякий раз, когда я пытаюсь усомниться в ней, я вижу ее истину».

Cogito – скала, на которой построена эпистемология Декарта. Со времен его жизни и до наших дней критики задавались вопросом, насколько прочным это выглядит. «Я мыслю, значит, я существую» – несомненно, является правдивым аргументом, чья обоснованность может быть принята с одного ментального взгляда. Но таким же может быть и «Я иду, значит, я существую». Так что же особенного в Cogito? Декарт ответил, что в предпосылке «я иду» можно сомневаться (возможно, у меня нет тела), но в предпосылке «я думаю» нельзя сомневаться, потому что сомневаться – значит – думать. С другой стороны, «я думаю, что иду, значит я существую» – это вполне приемлемая форма Cogito. Мышление, упомянутое в предпосылке, может быть мыслью любого рода, а не только саморефлексивной мыслью, что я существую.

Даже на своих условиях Cogito не доказывает существование Декарта целого человеческого существа. Сама по себе она доказывает лишь существование его разума. После того, как Cogito Декарта продолжает сомневаться, есть ли у него тело, и только после значительных дальнейших рассуждений он приходит к выводу, что он обладает им. То, что он знает во все времена, это содержание его ума. И именно из этого он должен восстановить науку. От Cogito Декарт выводит ещё многое, кроме его собственного существования: его собственная суть, существование Бога, критерий истины... Но для наших нынешних целей важно увидеть, как он исходит из этой Архимедовой точки, чтобы восстановить когнитивную систему, которую, по-видимому, свергли скептические аргументы.

Содержание нашего разума – это мысли. «Мысль» используется Декартом очень широко: кусочек ментальной арифметики, сексуальная фантазия, сильная зубная боль, вид на Маттерхорн или вкус винтажного портвейна – всё это, по его терминологии, мысли. Мышление, по Декарту, включает в себя не только интеллектуальное размышление, но и волеизъявление, эмоцию, боль, удовольствие, мысленные образы, осознания. Особенность, которая объединяет все эти элементы и делает их мыслями, заключается в том, что они являются элементами сознания. «Я использую этот термин, чтобы включить всё, что находится внутри нас, чтобы мы сразу осознали это. Таким образом, все действия воли, интеллекта, воображения и чувств являются мыслями».

«Даже если внешние объекты смысла и воображения не существуют, всё же способы мышления, которые я называю ощущениями и образами, в той мере, в какой они являются просто способами мышления, действительно, я уверен, существуют во мне». Эти мысли являются основными данными эпистемологии Декарта.

Один отрывок очень поразительно показывает, как слово «мысль» для Декарта применяется к сознательному опыту любого рода: «У меня есть ощущения, или я воспринимаю материальные объекты так, как они воспринимаются органами чувств. Таким образом, я сейчас вижу свет, слышу шум, чувствую тепло. Эти объекты нереальны, ибо я сплю. Но, по крайней мере, мне кажется, что я вижу, слышу, согреваюсь. Это не может быть нереальным, и это то, что правильно называется моим ощущением. Дальнейшее ощущение, именно так рассматриваемое, есть не что иное, как акт мысли».

Эти кажущиеся ощущения, возможные при отсутствии тела, позднее философы стали называть «чувственными данными». Жизнеспособность Декартовой системы зависит от того,

можно ли придать такому понятию когерентное значение. В третьем «Размышлении» Декарт выделяет важный класс мыслей и дает им название «идеи». «Некоторые из моих мыслей – это как бы изображения предметов, и только они правильно называются «идеями». Например, когда я думаю о человеке, или химере, или небе, или ангеле, или Боге».

Рассуждая о познании предметного мира, Декарт считал, что целесообразно различать три вида идей:

1. «врождённые идеи», которые каждый из нас обнаруживает в себе самом вместе со своими способностями мыслить, говорить, чувствовать и т. п.;
2. «приобретённые идеи», которые мы извлекаем извне, из внешнего мира и которые указывают нам на вещи, отличные от нас;
3. «изобретённые идеи», то есть идеи, изобретённые, сконструированные каждым из нас.

Все три вида идей обязаны своим происхождением разуму, но отличаются по своему содержанию. Например, является идея Бога врожденной или приобретенной? Если проблема существования Бога решается в пользу ее возникновения в человеческом сознании, то тогда она является врожденной идеей. Но в то же время нельзя признать идею бытия Бога, не допуская его существования вне человека. Поэтому можно допустить существование идеи Бога вне пределов человеческого сознания. Оправдывая врожденность идеи Бога, Декарт допускает врожденность соответствующих ей идеалов Совершенства, Блага, Добра, Справедливости, Красоты и так далее.

Врождённые идеи выражают наиболее глубинные способности и ресурсы разума. Приобретённые и изобретённые идеи производны от врождённых. Именно понятие о врождённых идеях лежит в основе рационалистической аргументации Декарта в теории познания. Всеобщность и необходимость врождённых идей утверждается средствами логики и языка. Поэтому Декарт избрал дедуктивный строй рассуждений, который отличается свойствами всеобщности и необходимости. Выбор дедукции в рационализме прямо противоположен выбору индукции в философском эмпиризме Бэкона. Что касается языковой формы выражения врожденных идей, то, согласно Декарту, например, субъективно-предикатная структура предложения в пределе совпадает с логической структурой суждения.

В познании необходимо руководствоваться правилами, чтобы не принять ложь за истину, избегать бесполезных действий, стремиться к оптимальному достижению истины. В «Рассуждении о методе» Декарт поясняет четыре правила.

Правило очевидности связано с его принципом сомнения. Оно гласит: никогда не принимай ничего на веру, в чём с очевидностью не уверен. Любые идеи должны созреть и приобрести ясность и отчетливость. Очевидность идеи открывается в акте интуиции при чистом свете разума. Чтобы достичь ясности и прозрачности идеи, необходимо придерживаться трех других правил.

Правило анализа сводится к требованию рассмотрения идеи по её отдельным свойствам или признакам. Аналитический подход к познанию позволяет добиться сведения любой сложной проблемы к её элементарным составляющим и тем самым достичь определённой простоты. Простота идеи служит признаком ее очевидности. Анализ предполагает последовательность шагов или операций на пути к очевидности идеи.

Правило синтеза способствует построению целостного и обобщенного решения проблемы. Все операции по синтезу знаний по своей направленности противоположны анализу. Мы как бы приступаем к сборке идеи из её отдельных элементов, частей. Свойства «собранной», синтезированной идеи отличаются от свойств, её отдельных составляющих и не сводятся к ним.

Правило контроля позволяет регулировать весь процесс познания. На каждом этапе одни функции контроля отличны от других. Анализ должен быть исчерпывающим, а синтез отличаться правильностью.

Предложенные философией эмпирические и рационалистические программы научного познания были очень разными. Но в каждой из них было конкретное содержание. Авторитет науки, который признавало большинство философов, радикально отличался от авторитета церкви, так как он исходил из возможностей человеческого разума и не диктовался внешними, скажем, политическими соображениями. Ведь никакие наказания не последуют, если кто-то

Книга: Новейшая история западной философии, 3-том. Начало современной философии

Лекция: 18. Скептицизм Монтеня. Декартово сознание

будет отвергать авторитет науки. Тогда как пренебрежение авторитетом церкви влекло за собой самые суровые санкции.

Позвольте закончить лекцию очень ёмким высказыванием Энтони Кенни: «Авторитет науки ткался из крупиц опыта, предположений и объяснительных ресурсов теорий, а авторитет церкви покоился на неподвижном фундаменте из догм».